

Е. А. Киселева. „Деревенскія дѣвушки".
(Музей Имп. Акад. Худ.).

СТОЛИЦА
и
УСАДЬБА

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

№ 8. ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ. 20 АПРѢЛЯ 1914 г.

Замокъ „Фалль“ свѣтл. князя Г. П. Волконскаго; построенъ архит. Штакенъ-Шнейдеромъ. Заложенъ въ 1824 году.
(Со старинной литографіи).

Южный фасадъ замка „Фалль".

„ФАЛЛЬ".

Вмѣсто описанія имѣнія „Фалль" (около Ревеля), принадлежащаго свѣтл. князю Г. П. Волконскому, приводимъ, съ любезнаго разрѣшенія автора, отрывки изъ превосходной статьи кн. С. М. Волконскаго „Былое — Фалль", помѣщенной въ его книгѣ „Разговоры".

* * *

= Паркъ?

54 версты дорожекъ. Лиственницы и каштаны самые великолѣпные, какіе я когда либо видѣлъ.

= Холмисто?.. Ну, конечно, разъ водопадъ.

— И холмисто, и скалисто.

= А водопадъ далеко отъ дома?

— Тутъ-же, передъ самой террасой.

= А куда рѣка впадаетъ?

— Въ море,—изъ оконъ видать.

= Послушайте, это декорація.

— Самая красивая, какую я видѣлъ. Вы знаете, я объѣхалъ кругомъ свѣта.

= Неужели красивѣе Таормины?

— Конечно, если вы будете брать панорамы — Этну или Альпы, то, можетъ быть, и... Да нѣтъ, это несоизмѣримо. Тамъ у вашихъ ногъ страна, города, желѣзныя дороги,—государства. Здѣсь все, что видитъ глазъ, все Фалль,—кромѣ моря, все свое. И такого красиваго „своего" я не видалъ.

= А домъ?

— Домъ готическій. Конечно, фальшивая готика — николаевская эпоха, Штакеншнейдеръ.

= Да, какъ „готика", оно фальшиво, но, какъ установившійся фальшивый стиль, онъ очень „настоящъ".

— Совершенно вѣрно, и тѣмъ болѣе дорогъ намъ, что онъ послѣдній у насъ стиль; ужъ послѣ этого ничего не было.

= А прибавьте къ этому воспоминанія...

— А прибавьте воспоминанія! Вѣдь я выросъ въ этомъ. Понимаете, все готика — послѣдняя скамейка въ паркѣ; каждое кресло въ домѣ маленькій Миланскій соборъ. И все насыщено воспоминаніями, не моими личными,—это само собой,—а воспоминаніями... я смѣю сказать историческими, но...

* * *

= Такъ, что же вы говорили про портретъ Маріи Феодоровны?

— Да. Тамъ въ Фалльской башнѣ виситъ прелестный пастель, къ сожалѣнію, безъ подписи,—портретъ писанный въ Версалѣ, когда они ѣздили въ гости къ Людовику XVI. Тилли ихъ сопровождала, у нея какъ-то сдѣлалась сильная головная боль; королева прислала ей чашку шоколаду и просила сохранить на память. Чашка Маріи Антуанетты въ Фаллѣ: прелестная севрская чашка, по темно-зеленому фону желтое плетеніе съ цвѣтами.

= Интересный архивъ?

— Такъ себѣ, и не обширный. Онъ весь вмѣщается въ небольшомъ бюро, въ той же башнѣ. Бюро съ вензелемъ Маріи Федоровны—подарокъ Императрицы. Историческаго почти ничего. Пять писемъ Николая I, адресованныхъ въ Фалль. Совершенно частнаго характера, но прелестныя по дружественности тона. Начинаются—„Cher ami", кончаются—„mettez moi aux pieds de vos dames". Въ одномъ изъ нихъ онъ извѣщаетъ, что умеръ „ce bon Сукинъ". Это тотъ Сукинъ, который былъ комендантомъ, когда декабристы сидѣли въ крѣпости.

= Это не тотъ, къ которому разъ въ Зимнемъ дворцѣ, въ какой-то царскій праздникъ, пока онъ у одного изъ оконъ, выходящихъ на набережную, ждалъ, чтобы началось многолѣтіе, подошелъ какой-то шутникъ и спросилъ: „Какъ это вы дѣлаете, что

. . . „Львовскій мостъ",—прелестное сооруженіе, весь на воздухѣ и только концами упирается въ берега; онъ весь легкой дугой, а подъ дугой прямой прутъ, который, какъ бы стягиваетъ концы. Имп. Николай I сказалъ: „Львовъ перекинулъ свой смычекъ черезъ рѣку".

всегда у васъ пальба съ крѣпости попадаетъ на самое многолѣтіе". — „Какъ дѣлаю? Очень просто" — и, вынувъ платокъ изъ кармана, махнулъ въ окно. Грянула пальба, чуть не во время Херувимской... Ну, а „aux pieds de vos dames" это, конечно, значитъ — графиня Бенкендорфъ и дочери?

* * *

— Да, въ Фаллѣ есть „Львовскій мостъ", — прелестное сооруженіе, весь на воздухѣ и только концами упирается въ берега, онъ весь легкой дугой, а подъ дугой прямой прутъ, который какъ бы стягиваетъ концы. Николай I сказалъ: „Львовъ перекинулъ свой смычекъ черезъ рѣку".

— Чѣмъ-то беззаботнымъ вѣетъ отъ этой эпохи, и нельзя сказать, что это оттого, что прошло: не всякое прошлое беззаботно. Но тогда это былъ какой-то пикникъ, „большой капризъ", правда?!

— Вотъ именно это впечатлѣніе производитъ Фалль — застывшая беззаботность.

— Тамъ жили красиво?

— Тамъ жили красиво и легко. Одно лѣто тамъ гостила Великая Княгиня Марія Николаевна съ Герцогомъ Лейхтенбергскимъ. Это былъ нескончаемый праздникъ. Разъ устроили на берегу моря чай; палатка, убранная васильками. Понесли туда дивный саксонскій сервизъ съ коровками, два человѣка въ корзинѣ несли на полотенцахъ; вдругъ полотенце оборвалось, и весь сервизъ въ дребезги. Нѣсколько вещей, оставшихся дома, висятъ въ столовой на стѣнѣ.

— Но вѣдь смерть не разъ проходила надъ Фаллемъ?

— Много разъ; но, право, передъ этой красотой и крыло ея легко. Если бы вы только видѣли то мѣсто, гдѣ могилы, гдѣ похоронены Бенкендорфы, моя бабушка, дядя и родители. На горѣ. Сзади васъ на горѣ большой деревянный крестъ, передъ вами, подъ горой, равнина, лѣсъ, за лѣсомъ море, за моремъ небо...

* * *

— Семейные памятники по русски. Памятникъ „Моимъ незабвеннымъ родителямъ, Христофору и Аннѣ Бенкендорфамъ", въ видѣ готической часовни, — Курдюкова сказала бы: „И тотъ походитъ на шапель". Памятникъ брату Константину: „Онъ кончилъ службу, кончивъ жизнь".

— Тогда мало говорили по русски.

— И русскому языку-то научались въ дѣвичьей. Графиня Бенкендорфъ привезла изъ Водолагъ и сохранила при царственной осанкѣ малороссійское произношеніе съ придыхательнымъ Г., а моя бабушка, княгиня Марія Александровна, — послѣднее слово аристократизма въ изящной хрупкой оболочкѣ, прибѣгавшая къ русскому языку, лишь, когда нельзя было иначе, — говорила „въ эфтомъ" и „съ эстимъ".

— Осадки русской пыли на иноземномъ лоскѣ.

— Чего-чего только не было въ людяхъ того времени. Подъ русской пылью иноземный лоскъ, а подъ иноземнымъ лоскомъ какія души, какіе характеры, какая простота взглядовъ и незадуманность предъ большими событіями жизни наряду съ почти религіознымъ уваженіемъ къ мелочамъ. И въ воспитаніи, при всей чопорности, такое отсутствіе предразсудковъ, какого и сейчасъ не у всѣхъ матерей нашего круга найдешь. Говорили однажды, какой предразсудокъ бояться водить молодыхъ дѣвушекъ въ музеи. Бабушка сказала: L'Impératrice Александра Федоровна m'a dit un jour „comme tu as raison. Moi j'ai passé toute ma jeunesse devant ce Apollon." Et elleaméme ajouté un détail que je ne puis pas répéter".

ОБЪ ЭКСПРОМПТѢ.

III.

Еще Кузьмою Прутковымъ было обращено вниманіе на связь между брошеннымъ въ воду камнемъ и „кругами имъ образуемыми". Нѣсколько такихъ „круговъ" явилось и какъ послѣдствіе моихъ замѣтокъ объ экспромптѣ. Во-первыхъ, мнѣ было сдѣлано указаніе на нѣкоторыя неточности, по поводу которыхъ, однако, если бы мнѣ пришлось судить самого себя, я вынесъ бы классическій приговоръ: „Нѣтъ, не виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія". Затѣмъ, мнѣ было сообщено нѣсколько новыхъ, экспромптовъ, частью самими авторами ихъ, частью литературными „коллекціонерами". Наконецъ, третьимъ „кругомъ" является выказанный многими изъ читателей интересъ къ шалостямъ пера нашихъ поэтовъ. Все это вмѣстѣ взятое заставляетъ меня еще разъ вернуться къ той же темѣ.

Неточность заключается въ слѣдующемъ: четырехстишіе, приписанное мною молодому поэту Д. И. Коковцову, „жить со мною не легко" и т. д., въ дѣйствительности сочинено не имъ, а другимъ поэтомъ, авторомъ многихъ популярныхъ куплетовъ, и по поводу другого Коковцова; въ альбомъ „вечеровъ Случевскаго" оно было внесено ввиду совпаденія фамилій. Кромѣ того, мнѣ было указано, что экспромптъ, подписанный А. К. Случевской, сочиненъ не ею, а авторомъ „пѣсенъ забытой усадьбы" М. Г. Веселковой-Кильштетъ, уступившей его въ полное распоряженіе молодой поэтессы. Взамѣнъ мнимыхъ экспромптовъ Д. И. Коковцева и А. К. Случевской позволю себѣ привести подлинные образчики ихъ поэтическихъ шалостей.

Во время маленькаго товарищескаго ужина, въ которомъ принималъ участіе Коковцевъ, въ комнатѣ стало душно и кто-то предложилъ освѣжить воздухъ, открывъ окна. Молодой поэтъ тотчасъ же облекъ сдѣланное предложеніе въ поэтическую форму:

„Заря зажглась такъ дивно-ало;
Къ намъ будутъ плыть дыханья рѣкъ —
Фонтанки, Мойки и канала...
Откройте окна, человѣкъ!

А вотъ экспромптъ А. К. Случевской: находясь, какъ видно, въ минорномъ настроеніи, на предложеніе написать стихи въ альбомъ, она отвѣтила:

„Мысль моя плетется туго,
Рифмы болѣе не бойки
И стиховъ моихъ потуга
Канетъ, вѣрно, въ воды Мойки".

Безъ „Мойки" не обошлось и здѣсь: очевидно она такъ же вдохновляетъ петербургскихъ поэтовъ, какъ венеціанца каналы его родного города.

Отъ В. П. Лебедева я получилъ стихи, сочиненные имъ во время пребыванія въ Финляндіи, послѣ извѣстныхъ событій 1906 года, по слѣдующему поводу. Бывшій финляндскій генералъ-губернаторъ князь И. М. О—ій во время его управленія краемъ отличался широкимъ гостепріимствомъ, причемъ на своихъ обѣдахъ и ужинахъ нерѣдко угощалъ своихъ подчиненныхъ присылавшимися ему изъ его имѣній продуктами. Надъ его широкимъ хлѣбосольствомъ многіе изъ нихъ подсмѣивались... но уже послѣ того, какъ онъ удалился со сцены. Подобнаго рода отношеніе къ бывшему начальнику вызвало со стороны Лебедева такую отповѣдь:

Средь обѣдовъ оживленныхъ
Вина пѣнились волной;
Угощалъ онъ подчиненныхъ
Деревенской ветчиной...
Онъ въ отставкѣ, онъ въ унынье, —
И теперь ему въ вину
Подчиненные — о, свиньи! —
Ставятъ ту же ветчину...

Въ видѣ образчика того, какъ реагируютъ поэты на тревожныя политическія событія, приведу стихотворную запись, сдѣланную Сергѣемъ Маковскимъ въ альбомъ одного изъ собратьевъ по перу въ дни россійской смуты.

Наканунѣ великихъ событій
политическихъ
Въ моемъ сердцѣ не чую наитій
поэтическихъ
Вообще мы сегодня всѣ кислы, —
и опасныя
Лѣзли въ голову рифмы и мысли
непарнасныя...

Намекъ на политику находимъ и въ экспромптѣ В. В. Уманова-Каплуновскаго.

Жизнь при смѣнѣ декорацій
Всюду вноситъ ералашъ;
Охъ, боюсь я, другъ Горацій,
За театръ россійскій нашъ —
Тутъ комедія, и съ драмой,
И съ трагедіей сплелись...
Опереточной программой
Не срамила бъ только насъ.

Опасенія поэта оказались пророческими: многіе изъ дѣятелей смутнаго времени, воображавшіе, что они призваны играть роли „сильно драматическія" закончили совершенно опереточными выступленіями...

Настоящіе „экспромптисты", не оставляя безъ вниманія событій политическихъ и общественныхъ, сыплютъ экспромптами направо и налѣво, придираясь чуть не къ каждому событію изъ своей повседневной жизни. Положительно неистощимымъ въ этомъ отношеніи былъ покойный М. В. Шевляковъ. Нужно ему, напримѣръ, отправить письмо лицу, адресъ котораго онъ знаетъ только „описательно"—онъ пишетъ на конвертѣ:

Найти адресата просто:
Мойка, у Краснаго моста,
Зданіе воспитательнаго дома,
Квартира эконома.

Даже передъ смертью онъ сочиняетъ экспромптъ и праздновавшему двадцатипятилѣтіе своей литературной дѣятельности А. Е. Зарину посылаетъ телеграмму:

Тебя, мой другъ Андрей,
Я съ юбилеемъ поздравляю
Смотри на жизнь бодрѣй,
А я, братъ, умираю...

Среди лицъ, съ легкостью сочиняющихъ стихи „по поводу" чего бы то ни было, въ большомъ ходу поэтическая игра, называемая „буримэ" (bouts rimés). Въ видѣ примѣровъ того, какъ удачно выпутывались иногда поэты изъ затрудненій въ такихъ случаяхъ, приведу два четырехстишія. Въ первомъ случаѣ заданы были риѳмы: „отшельникъ", „затворникъ", „понедѣльникъ", „вторникъ". А. Будищевъ написалъ:

„Сѣдой отшельникъ,
Нѣмой затворникъ,
Пьетъ въ понедѣльникъ...
Да и во вторникъ".

Еще болѣе трудную задачу съ легкостью разрѣшилъ покойный В. Лихачовъ. Риѳмованные концы были: „клочки", „спички", „очки", „единички". Создать комбинацію изъ этихъ, мало имѣющихъ общаго словъ, казалось невозможнымъ. Но Лихачовъ ухитрился написать такое четырехстишіе:

„Жизнь истерзала бѣднягу въ клочки,
Рѣзвыя ноги изсохли, какъ спички,
Тусклыя очи глядятъ сквозь очки,
И не пятерки въ любви – единички!.."

Какъ читатель видитъ, для мастеровъ области экспромпта слово „невозможно" не существуетъ.

Бенедиктъ.

НАБРОСКИ ИЗЪ ПРОШЛАГО.

(См. № 1 „Столица и Усадьба" статью А. А. Столыпина).

Посрединѣ портретъ „Монго" Столыпина.

Хочу дополнить нѣсколькими строками воспоминанія о Лермонтовѣ и Монго.

Алексѣй Арк. Столыпинъ (Монго), двоюродный братъ Лермонтова, извѣстный красавецъ, былъ въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія Вице-Президентомъ Московскаго Скакового общества. Его братъ, Дм. Арк. Столыпинъ, былъ также Вице-Президентомъ того же общества въ 1877—78 г.г., а пишущій эти строки замѣнилъ на этомъ посту Дм. Арк. Отъ него я и слышалъ многое, касающееся семьи Столыпиныхъ, семьи очень уважаемой въ Москвѣ. Всѣ Столыпины того времени, какъ, впрочемъ, большинство старинныхъ баръ, а таковыми были Столыпины, принимали живое участіе въ скаковомъ дѣлѣ Россіи. У нихъ были прекрасные конскіе заводы. Очень образованные,—сколькихъ я ни зналъ Столыпиныхъ,—хотя многіе изъ нихъ были чудаками. Вотъ что мнѣ разсказывалъ про брата своего, Дм. Арк. Вспоминаю слова о Монго, его братъ:

„Когда Монго занемогъ (обнаружились первые признаки чахотки) онъ сталъ проситься за границу. Императоръ Николай Павловичъ очень неохотно давалъ заграничные паспорта, особенно гвардейскимъ офицерамъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ: послѣдовалъ отказъ. Тогда Монго отправился къ графу А. Ф. Орлову, котораго считали всемогущимъ, и сталъ черезъ него просить заграничный паспортъ.

— „Вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что я могу что-либо сдѣлать?"

Отвѣтилъ брату гр. Орловъ.

— „Очень ошибаетесь, я ничего не могу, меня не послушаютъ... А вотъ кто все можетъ! Вы удивитесь?! Это докторъ Мантъ (лейбъ-медикъ Государя), онъ одинъ все можетъ. Поѣзжайте къ нему, и если Мантъ согласится просить Государя и дастъ удостовѣреніе вашей болѣзни, вы немедленно получите заграничный паспортъ"...

Монго такъ и сдѣлалъ, и черезъ три дня уѣхалъ въ Италію. Про Манта говорили, что въ немъ было что-то мефистофелевское, демоническое, такое, что поневолѣ люди поддавались его внушенію. Народная молва приписывала ему смерть Николая Павловича черезъ отравленія якобы. Это, конечно, было невѣрно, но народъ хотѣлъ учинить надъ Мантомъ самосудъ, такъ что его ночью вывезли изъ Петербурга заграницу тотчасъ послѣ смерти Государя въ 1855 г.

Гр. Алексѣй Павл. Бобринскій былъ спиритъ. Онъ разсказывалъ, что однажды во время сеанса онъ почувствовалъ вдругъ сильное рукопожатіе и узналъ въ немъ руку Монго, съ которымъ былъ друженъ, и рукопожатіе котораго хорошо зналъ. Графъ увѣрялъ, что замѣтилъ тогда же часъ, въ который это случилось; оказалось, что это совпало именно съ часомъ, въ который скончался Монго во Флоренціи (или другомъ городѣ Италіи, вѣрно не помню).

Мнѣ пришлось уже писать на страницахъ „Новаго Времени" о смерти Лермонтова; моя мать (рожденная Бибикова) близка была съ барышнями Мартыновыми, у которыхъ Лермонтовъ часто бывалъ; это были сестры Ник. Соломон. Мартынова, убившаго на дуэли Лермонтова. Изъ за сестры его и была дуэль. Но я не буду повторять объ этой несчастной дуэли, и такъ много писано было лишняго... Одно только общеизвѣстно, что у Лермонтова былъ несносный и неровный характеръ. Онъ былъ влюбленъ въ одну изъ сестеръ Мартынова, очень красивую. Можетъ быть, онъ только прикидывался влюбленнымъ, но она-то полюбила поэта... Уѣзжая на Кавказъ, Лермонтовъ пріѣхалъ къ Мартыновымъ проститься и, очень растроганная, Мартынова со слезами провожала Лермонтова до парадной лѣстницы ихъ квартиры. Самъ Лермонтовъ тоже казался взволнованнымъ, печальнымъ, но, сойдя нѣсколько ступеней, онъ вдругъ обернулся и громко захохоталъ прямо ей въ лицо; оставивъ на лѣстницѣ ошеломленную этой выходкой Мартынову, онъ быстро сбѣжалъ внизъ и скрылся, ничего больше не сказавъ.

Всѣ были въ недоумѣніи отъ этой дикой выходки.

Князь Д. Д. Оболенскій.

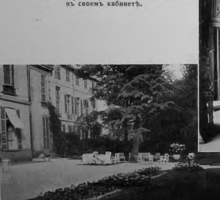
РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ ПАРИЖѢ.

Маргарита Карловна Извольская, рожденная графиня Толь.

Александръ Петровичъ Извольскій въ своемъ кабинетѣ.

Одна изъ гостиныхъ въ домѣ посольства—79 rue Grenelle.

Садикъ во дворѣ посольства.

КОРЕИЗЪ И КОКОЗЪ.

Имѣніе Кореизъ кн. Ф. Ф. Юсупова, гр. Сумарокова-Эльстонъ, въ 12 верст. отъ Ялты.

Налѣво внизу—домъ въ имѣніи Кокозъ близъ Бахчисарая (принадл. также кн. Юсупову).

Большой дворецъ съ многочисленными террасами построенъ на возвышенности, окруженной кипарисами и пальмами; нижняя часть стѣнъ скрыта вьющимися розами. Въ большомъ паркѣ — нѣсколько прудовъ, въ которыхъ плаваютъ бѣлые и черные лебеди. Розаріумъ Кореиза славится богатствомъ сортовъ. За паркомъ начинаются виноградники и зданія винодѣлія. Покойный Государь Александръ III и Государыня Императрица Марія Феодоровна не разъ бывали гостями Кореиза.

Здѣсь нерѣдко гостятъ родственники и близкіе Юсуповыхъ, представители военнаго міра, въ особенности офицеры Кавалергардскаго полка, товарищи и однополчане хозяина дома.

Въ старину имѣніе это принадлежало кн. Голицыну, который распродалъ его по частямъ. Отецъ кн. Юсупова, графъ Сумароковъ-Эльстонъ, пріобрѣлъ большую часть имѣнія; оно перешло къ его старшему сыну, графу Ф. Ф. Сумарокову - Эльстону, женившемуся на послѣдней представительницѣ рода князей Юсуповыхъ, княжнѣ Зинаидѣ Ник. Юсуповой. Послѣ смерти отца послѣдней, кн. Бориса Ник. Юсупова, титулъ князя Юсупова перешелъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, къ гр. Сумарокову-Эльстону и къ его женѣ.

УСАДЬБА въ ПРОШЛОМЪ и НАСТОЯЩЕМЪ.

Въѣздъ въ Акшуатскій паркъ.

АКШУАТЪ.

Имѣніе Акшуатъ—въ 8 верстахъ отъ ст. „Поливаново" Сызрано-Рузаевской линіи Моск.-Казанск. жел. дороги, въ Корсунскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи. Принадлежитъ губ. предводителю дворянства В. Н. Поливанову. Большая старинная усадьба и село расположены въ живописной лѣсистой мѣстности. Домъ двухъэтажный съ флигелями по бокамъ, красиво поставленъ на горѣ надъ прудомъ; построенъ въ 1796 году ген.-маіоромъ Н. А. Чирковымъ, который получилъ Акшуатскую вотчину въ приданое за женой своей Е. П. Татищевой. Въ домѣ—собраніе картинъ числомъ болѣе ста, среди которыхъ есть работы Худекова, Якобія, Тропинина, Крыжицкаго, Левитана и другихъ. Въ коллекціи автографовъ знаменитыхъ людей имѣется стихотвореніе М. Ю. Лермонтова, посвященное его другу Н. И. Поливанову. Библіотека, начало которой положено было еще Н. А. Чирковымъ, въ настоящее время насчитываетъ до 6.500 томовъ русскихъ и иностранныхъ писателей.

Подъ горой большой тѣнистый садъ, гдѣ находятся оранжерея и плодовый яблочный питомникъ. Въ одномъ изъ красивыхъ уголковъ сада построенъ музей въ стилѣ древне-греческаго храма; въ немъ помѣщены

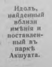
Видъ дома изъ парка.

Музей въ паркѣ Акшуата.

Акшуатскій прудъ.

Идолъ, найденный вблизи имѣнія и поставленный въ паркѣ Акшуата.

предметы мѣстной старины и результаты археологическихъ раскопокъ В. Н. Поливанова. Садъ сливается съ сосновымъ паркомъ, гдѣ на пространствѣ 85 десятинъ расчищены дорожки и устроены питомники. 30 лѣтъ владѣлецъ Акшуата занимается облѣсенiемъ песковъ и неудобныхъ земель. За это время здѣсь, и въ другомъ имѣнiи, засажена площадь до 500 десятинъ, на которой прекрасно идетъ молодой сосновый лѣсъ.

Акшуатъ — помѣстье, жалованное Петромъ I роду Кудрявцевыхъ. Имъ владѣли Татищевы, Чирковы и съ 1813 года онъ перешелъ въ родъ Поливановыхъ.

30 съ лишнимъ лѣтъ шумно празднуется въ Акшуатѣ 15-ое iюля, день Ангела владѣльца. Къ этому дню обычно собираются до 50 и болѣе гостей, устраиваются спектакли и подъ звуки военнаго оркестра приходитъ непринужденное веселье. Въ этомъ уголкѣ, одномъ изъ многихъ, разсѣянныхъ на необъятномъ просторѣ нашего отечества, живы еще духъ и традицiи помѣщичьяго быта...

ВЪ ТРЕХЪ СТАРЫХЪ УСАДЬБАХЪ.

Много было наговорено зла про помѣщичьи усадьбы. Но вѣдь вся глубина русской культуры вышла отсюда.

Назовите въ литературѣ типы выше и свѣтлѣе тѣхъ, что сложились здѣсь и вылились въ образахъ Пушкина, Тургенева, Толстого? Сами эти люди не были ли во многомъ и въ лучшемъ своемъ дѣтьми русской деревни?

Въ старыхъ усадьбахъ есть какая-то правда, какой-то слѣдъ благоухающихъ мыслей, тотъ неизъяснимый налетъ, что даетъ одно чувство „былое", „прошлое"; въ нихъ притаилась и тихо входитъ въ душу какая-то грустная и чистая поэзiя.

* * *

Еще до начала усадьбы въ васъ возникаетъ одобрительное отношенiе ко всему, что вамъ предстоитъ видѣть.

Дорога безъ ухабовъ, чернѣющiе со всѣхъ сторонъ лѣса, принадлежащiе экономiи, береженыя рощи. Поля отдѣлены отъ дорогъ стѣной молодыхъ елей,—и влагу держитъ, и тѣнь даетъ, и зимой не собьешься.

За поворотомъ прудъ, на берегу большой скотный дворъ, прочный, съ кирпичными столбами, и поодаль сыроварня. Вотъ большая березовая роща, и въ ней просѣка къ дому.

Длинный деревянный домъ, съ верхнимъ полуэтажомъ, съ цвѣтникомъ спереди, а съ другой стороны

Сѣни расширялъ густыя
Огромный, запущенный садъ,
Прiютъ задумчивыхъ дрiадъ.

Чай на открытой террасѣ, къ которой подходятъ за приказанiями приказчикъ, старшiй кучеръ, садовникъ, баба, снимающая лужокъ.

— Ну, ты сама посуди, Матрена, какъ же можно такой лужокъ тебѣ дать исполу. Бери изъ третьей части.

Знаете ли вы эти широкiе сады, гдѣ деревья, ни разу не тронутыя ножницами, росли въ свою волю, и всѣ вмѣстѣ, съ полянками, дорожками, затянувшимися зеленью, обрывомъ надъ рѣчкой и одинокими скамейками, изгородью, отдѣляющею этотъ „прiютъ дрiадъ" отъ промысловаго фруктоваго сада, пасѣчкой, съ просвѣтами и тѣнями,—все слилось въ одно живое задумчивое существо, къ которому вы сочувственно и робко приглядываетесь, когда оно допуститъ васъ къ себѣ?

Сходили ли вы по веселой крутизнѣ къ свѣтлой рѣчкѣ, и съ плота бросались ли въ воду, то бродя ногами по ровному песку, то подплывая къ крупнымъ чашечкамъ лилiй на ихъ зеленыхъ привязяхъ?

А потомъ, сидя въ тѣни, чтобы не потерять свѣжести отъ купанiя, слыхали ли разсказы о жизни и владѣльцахъ этой усадьбы, бродили ли по старымъ высокимъ комнатамъ съ милою мебелью краснаго дерева, съ ея почтенными выгибами, съ портретами прошлыхъ людей, съ бронзой и другими вещами, десятилѣтiя не покидающими своихъ мѣстъ?

А тамъ завтракъ съ янтарнымъ масломъ въ хрусталѣ, съ картофелемъ въ кастрюлькѣ, съ ярко зеленымъ укропомъ, съ густымъ пѣночнымъ вареньцомъ.

Имѣнiе Чертолино, Тверской губ. Графини Софьи Серг. Игнатьевой.

Подана тройка. Ѣдемъ.

Сперва каменная новенькая церковь, выстроенная хозяйкою имѣнiя съ ея покойнымъ мужемъ. Потомъ поодаль старый погостъ съ деревяннымъ храмикомъ. Тамъ наивные со смѣлыми промахами образа, а снаружи четыре бѣлыхъ колонки на свѣтло-желтой окраскѣ придаютъ церкви такую романтичность, что вспоминаешь свадьбу Полины изъ „Рославлева".

Отъ церкви возвращаемся къ сыроварнѣ, къ которой только-что пристроено помѣщенiе для инкубатора.

— Надѣюсь,—говоритъ хозяйка,—въ этотъ годъ имѣть до тысячи выведенныхъ куръ. Только съ этой цифры начинается выгодность.

Черезъ дорогу куриный паркъ, гдѣ выращиваются цыплята. Домики съ крышами для самыхъ маленькихъ, побольше гуляютъ въ кустахъ. Всюду легкiя проволочныя сѣтки.

— Это дѣло съ большимъ будущимъ,—говоритъ хозяйка,—если его широко развить.

Любителю куринаго царства трудно оторваться отъ этой здоровой, живой и крикливой птицы, чернаго, бѣлаго, палеваго, рыжаго оперенiя, отъ горделивыхъ пѣтушковъ съ забавнымъ ломающимся голосомъ, теплыхъ, крохотныхъ птенчиковъ съ глупымъ видомъ и раскрытыми клювами, и подрастающихъ хлопотливыхъ курочекъ.

А надо ѣхать, чтобы засвѣтло попасть въ другое имѣнiе съ винокуреннымъ заводомъ.

Хозяйка перекидывается словами во встрѣчныхъ деревняхъ съ мужиками и бабами, которыхъ всѣхъ знаетъ по именамъ, со всѣми ихъ обстоятельствами, разсказываетъ о томъ, какъ въ прошломъ году сдѣлала, наконецъ, планъ лѣсного хозяйства и опредѣлила ежегодный доходъ съ лѣса, и какъ досталось имъ то имѣнiе, куда мы ѣдемъ.

— Владѣлецъ умолялъ купить. Мы оба съ мужемъ молодые были. Если не купите, говоритъ, ничего мнѣ не останется, съ аукцiона пойдетъ. А съ тѣхъ поръ во сколько разъ повысилась цѣнность земли.

Подъѣзжаемъ къ церкви.

— Послѣдняя забота мужа была объ отдѣлкѣ этой церкви. Весь иконостасъ новый, а старый теперь стоитъ въ одной изъ камчатскихъ церквей.

За селомъ усадьба. Домъ двухъэтажный въ колоннахъ, каменный, фронтонъ, надъ окнами вѣночки—милый деревенскiй empire благородной формы; такiе просторные, высокiе покои внутри. Но прошлаго была нѣтъ и слѣдовъ: потолки замазаны бѣлымъ, полы досчатые; библiотека и школа, да жилье служащихъ на заводѣ.

А какъ укоръ и плачъ по прошломъ, поодаль отъ дома два прелестныхъ ампирныхъ флигеля, и за однимъ изъ нихъ темный садъ.

— Эхъ, гдѣ вы, разочарованные статскiе, смѣлые и шумные гусары и барышни съ томикомъ Пушкина въ рукахъ, и дородныя маменьки, и партнеры за ломберными съ дорогой деревянной инкрустацiей столомъ, и оживленiе отъѣзжаго поля?

Зачѣмъ дали вы жизни вышибить васъ изъ родныхъ гнѣздъ?

Мы на заводѣ, пріютившемся подъ горкой, словно стыдясь стараго дома, важнаго и строгаго и въ униженіи своемъ. Я дивлюсь на хитроумныя приспособленія, превращающія груды немытаго картофеля въ жгучую влагу...

Куда милѣе длинная комната съ инкубаторами и сыроварня и планъ лѣсного хозяйства!

Эти высокія трубы, эти хитроумныя приспособленія для гонки своего спирта и ректификаціи чужой привозимой сюда проклятой влаги, съѣли въ моихъ глазахъ красоту окрестностей, проникая все какимъ-то тупымъ и нѣмымъ отчаяніемъ.

Я вспомнилъ, какъ въ одной знакомой семьѣ крупныхъ саратовскихъ помѣщиковъ задумали строить винокуренный заводъ. Тогда жена помѣщика объявила, что навсегда уѣдетъ изъ имѣнія, и тѣмъ спасла его отъ оскверненія.

*Имѣніе ***.*

Я подъѣхалъ къ усадьбѣ верстахъ въ 200 отъ Москвы послѣ быстрой сорокаверстной ѣзды на лошадяхъ и засталъ все общество на тѣнистомъ полуостровѣ между двумя прудами. Пили чай.

Вскорѣ гости, земскій начальникъ съ женой, жившій невдалекѣ, предводитель и предсѣдатель управы, ушли, и хозяинъ повелъ меня осматривать усадьбу.

Мнѣ менѣе нравятся въ деревнѣ громадные каменные дворцы, чѣмъ эти уютные дома въ семь или десять оконъ по фасаду, построенные семьями, которыя, умѣя жить со вкусомъ, обладали только среднимъ достаткомъ.

— Какъ славно, — началъ я, — что ты сюда вернулся.

— Ужъ такъ я радъ,—оживленно сказалъ онъ,— что могъ выкупить Мишино. Если бы папа былъ живъ!

Мишино было одно изъ незначительныхъ имѣній отца хозяина, стараго графа, очень крупнаго помѣщика, не сохранившаго свои земли. Около Мишина была церковь, которую старикъ выстроилъ надъ своимъ отцомъ; и онъ самъ далъ своему отцу слово, и со своего сына взялъ слово — всѣмъ лечь вмѣстѣ подъ Мишинской церковью.

Я вспомнилъ стараго графа, величественнаго патріарха, въ молодости не знавшаго конца своимъ прихотямъ, а въ старости охваченнаго одною страстью— любовью къ сыну отъ поздняго брака... Какъ интересны были его разсказы, восходившіе до временъ Екатерины, такъ какъ онъ засталъ еще Екатерининскихъ стариковъ, о Лермонтовѣ и Пушкинѣ, объ охотахъ съ Александромъ Вторымъ и бесѣдахъ съ нимъ. Самъ онъ въ шестьдесятъ лѣтъ ходилъ на медвѣдя съ рогатиной. А какимъ изумительнымъ яркимъ русскимъ языкомъ онъ говорилъ!

Въ просторныхъ высокихъ комнатахъ только въ одной была прежняя мебель, все остальное было новое. У террасы съ пронзительными криками бѣлокурый здоровый мальчикъ менѣе трехъ лѣтъ, заливаясь смѣхомъ, увертывался отъ одѣтаго въ парусинную ливрейку-тужурку камердинера отца, солдата того полка, гдѣ тотъ началъ службу. Солдатъ дѣлалъ видъ, что не можетъ его поймать, и укоризненно приговаривалъ:

— Ваше сіятельство, да какъ же мнѣ васъ поймать-то? Пожалуйте сюда.

А мальчикъ смѣялся еще хитрѣе и визжалъ, увертываясь, еще громче.

Тутъ же почтенная няня передавала на руки молодой графини грудного ребенка — дѣвочку въ кружевномъ чепчикѣ, съ интересомъ оглядывавшуюся вокругъ себя.

И этотъ семейный уютъ въ усадьбѣ, ушедшей изъ рода и вновь въ нее возвращенной, какая была отрадная картина!

Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ дома былъ спускъ къ глубокой и довольно широкой рѣчкѣ, а по обѣ стороны шли рощи старыхъ деревьевъ... Мы отошли довольно далеко отъ дома, къ мѣсту прежней усадьбы. Тамъ были алеи гигантовъ-липъ и отдѣльныя деревья, достигшія необыкновеннаго развитія.

Пошли ловить рыбу въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка вьется ужомъ по поемному лугу.

Солнца не было уже видно за пригоркомъ, покрытымъ сплошнымъ свѣжимъ березнякомъ со щетинившимися кое-гдѣ соснами. Въ скудномъ освѣщеніи вечерѣющаго дня темною сталью спокойно блестѣли излучины рѣки. Раскидистыя вербы и прибрежный кустарникъ и высоко поднявшіеся разноцвѣтные цвѣты некошеннаго луга, и самое небо съ неподвижными грядами розоватыхъ облаковъ — все отдыхало.

Засыпали и дальнее ржаное поле, и чуть замѣтные торчки одинокихъ деревьевъ. Жизнь означалась лишь суетою докучливыхъ комаровъ и успокоительными криками перепела.

Ночью, послѣ ужина, мы ходили по кругу передъ домомъ, и хозяинъ, съ которымъ я не видѣлся долгіе годы, разсказывалъ мнѣ свою жизнь за послѣднее время.

— Когда я въ Манчжуріи одинокій умиралъ отъ тифа, могъ ли я думать, что у меня будетъ семья, такая жена, и что я съ нею заживу въ Мишинѣ!

— Заживешь?—спросилъ я, зная, что большая его служба отпустила его сюда только на нѣсколько недѣль.

— Ну что-жъ! А все-таки мы сюда вростемъ корнями. Я завожу здѣсь хозяйство. Въ нашемъ большомъ степномъ имѣніи нѣтъ усадьбы. А у родителей жены имѣнія такъ великолѣпны, что я хочу показать дѣтямъ скромную жизнь. Мишино будетъ имѣть для нихъ воспитательное значеніе...

Слѣдующій день было воскресенье. Мы поѣхали къ обѣднѣ въ большую свѣтлую церковь, гдѣ десять лѣтъ назадъ я былъ на похоронахъ стараго графа. Мы спускались тогда подъ полъ и видѣли полуистлѣвшіе гроба, изъ которыхъ бѣлѣли кости и остатки мундировъ.

Теперь подъ церковью была устроена пещера-часовня съ однородными памятниками бѣлаго мрамора.

Дѣтей пріобщили и увезли. Пѣлъ прекрасно деревенскій хоръ, устроенный священникомъ. Послѣ обѣдни спустились въ пещеру.

Я вспомнилъ 85-лѣтняго стараго графа съ молодымъ до послѣдняго дня мозгомъ, и по портретамъ— его отца съ прекраснымъ задумчивымъ лицомъ, съ душой, сквозящей изъ тисковъ николаевской выдержки, и тестя этого отца, съ грозными насупленными бровями, строгаго хозяина. На памятникахъ написано, что первый былъ губернаторомъ, а второй — губернскимъ предводителемъ въ этой самой губерніи.

Послѣ панихиды супруги стали говорить о расширеніи пещеры, чтобы всѣмъ заранѣе приготовить мѣста.

Они были молоды, здоровы и полны надежды на жизнь. Но они знали, что должны умереть, и безъ страха думали о смерти.

Здѣсь была непрерывная цѣпь существованій — отъ пращура съ нахмуренными бровями до радостно смѣявшагося тамъ, въ обновленной усадьбѣ, праправнука: все, призванное къ жизни и опредѣленное въ свое время на призывъ въ общую великую страну нераздѣльныхъ соединеній...
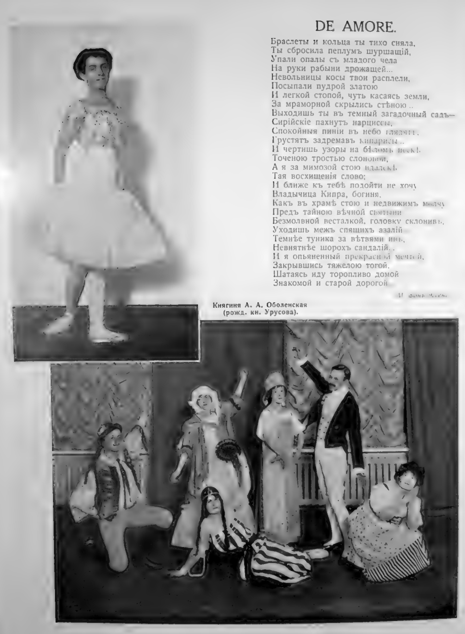
Е. Погожевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

DE AMORE.

Браслеты и кольца ты тихо сняла,
Ты сбросила пеплумъ шуршащій,
Упали опалы съ младого чела
На руки рабыни дрожащей...
Невольницы косы твои расплели,
Посыпали пудрой златою
И легкой стопой, чуть касаясь земли,
За мраморной скрылись стѣною..
Выходишь ты въ темный загадочный садъ—
Сирійскіе пахнутъ нарциссы,
Спокойныя пиніи въ небо глядятъ,
Грустятъ задремавъ кипарисы..
И чертишь узоры на бѣломъ пескѣ
Точеною тростью слоновой,
А я за мимозой стою вдалекѣ
Тая восхищенія слово;
И ближе къ тебѣ подойти не хочу
Владычица Кипра, богиня,
Какъ въ храмѣ стою и недвижимъ молчу
Предъ тайною вѣчной святыни
Безмолвной весталкой, головку склонивъ,
Уходишь межъ спящихъ азалій
Темнѣе туника за вѣтвями ихъ,
Невнятнѣе шорохъ сандалій..
И я опьяненный прекрасной мечтой,
Закрывшись тяжелою тогой,
Шатаясь иду торопливо домой
Знакомой и старой дорогой

М. фонъ-[illegible]

Княгиня А. А. Оболенская (рожд. кн. Урусова).

Балъ у штал.: Гартонгъ.
Кириллъ Дмитр. Нарышкинъ, баронесса Э. Р. Розенъ, графиня О. Э. Крейцъ, графъ Лаленгъ, Вѣра Ник. Гартонгъ, Марія Ник. Гартонгъ.

БАЛЕТЪ ВЪ ОБЩЕСТВѢ.

Успѣхи русскаго балета сдѣлали это искусство до такой степени моднымъ, что и наши дамы увлеклись пируэтами и пуантами. На свѣтскихъ réunions одной изъ темъ разговоровъ стало обсужденіе баллона, элеваціи и твердости носка, и не въ одной свѣтской квартирѣ отводится комната для классическаго экзерсиса!

Уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ежегодно устраиваются великосвѣтскіе балетные спектакли, которые привлекаютъ вниманіе и пользуются успѣхомъ. Эти балетные спектакли тѣмъ существенно отличаются отъ всѣхъ прочихъ любительскихъ спектаклей, что требуютъ отъ исполнителей большой любви къ дѣлу, терпѣнія и массы времени. Для этихъ спектаклей недостаточно четырехъ-пяти репетицій, а необходимо постоянное ежедневное упражненіе подъ руководствомъ опытной преподавательницы.

Устроительницей и балериной въ этихъ спектакляхъ выступаетъ княгиня Оболенская,—урожд. кн. Урусова.

Княгиня еще въ дѣтствѣ чувствовала влеченіе къ хореографическому искусству и однажды, живя со своими родителями въ Дрезденѣ, едва умѣя писать, написала директору дрезденскаго театра, прося принять ее ученицей въ балетную школу. Письмо это, разумѣется, никакихъ послѣдствій не имѣло, но страсть къ балету не проходила, и двѣнадцати лѣтъ княгиня уже выступала въ качествѣ балетмейстера, сочиняя хореографическія сценки, которыя исполняются въ деревнѣ крестьянскими дѣтьми.

Начавъ выѣзжать, княгиня выступила въ балетѣ „Фея куколъ" на спектаклѣ, устроенномъ во Флоренціи граф. Серистори. Позднѣе она проходила нѣкоторые танцы подъ руководствомъ своей подруги артистки Императ. театр. М. В. Пороховниковой, выступала на спектакляхъ у княг. Абамелекъ-Лазаревой и въ благотворительныхъ спектакляхъ въ залѣ Тенишевскаго училища.

Самостоятельно княгиня начала устраивать балетные спектакли съ 1910 г., когда подъ руководствомъ г. Чекетти былъ поставленъ балетъ „Копелія". Сванильду танцовала сама княгиня, а роль Копеліуса исполнялъ г. Чекетти.

Въ 1911 г. были поставлены балеты—„Привалъ кавалеріи" и „Искры любви". Въ 1912 г., подъ руководствомъ артистокъ Имп. театр. К. М. Куличевской и Е. К. Обуховой, поставлены были два балета—„Волшебная флейта" и „Путешествующая танцовщица".

Въ 1913 г. состоялось два спектакля. На Рождествѣ поставлены были „Граціэла" и „Очарованный лѣсъ" и въ великомъ посту „Очарованный лѣсъ", „Вечеръ на святкахъ" и дивертисментъ.

Въ дни пріемовъ у княгини Оболенской репетиціи происходятъ въ квартирѣ г-жи Соллогубъ, внучка которой M-lle Циглеръ принимаетъ участіе въ балетныхъ спектакляхъ; все же остальное время репетиціи происходятъ у княг. Оболенской. Просторная столовая, представляетъ собою въ это время не совсѣмъ обыкновенный видъ. Столы убраны, стулья расставлены по стѣнамъ, убрано все, что можетъ помѣшать танцующимъ, все, что можетъ быть задѣто руками и развѣвающимися шарфами. Полъ обильно посыпанъ канифолью...

Дамы репетируютъ въ короткихъ лѣтнихъ платьяхъ, лицеисты и правовѣды приносятъ съ собою лѣтніе кителя. Репетируютъ очень тщательно, но обыкновенно то, что на спектаклѣ должно быть исполнено на пальцахъ (на пуантахъ), на вечернихъ репетиціяхъ дѣлается на полупальцахъ, въ виду того, что у каждой изъ исполнительницъ есть еще своя учительница, съ которой обрабатывается техническая сторона танца, а на общей репетиціи важно для участвующихъ хорошо запомнить свое мѣсто, группы и переходы. Вечернія репетиціи заканчиваются въ 12 и даже въ часъ ночи, и если мы удивляемся работоспособности балетныхъ любительницъ, то нельзя не подивиться и терпѣнію барона Икскуля, квартира котораго помѣщается подъ квартирой княгини. Нужно много любви къ искусству, чтобы въ теченіе почти мѣсяца два раза въ годъ слышать надъ своей квартирой почти непрерывный грохотъ, стукъ, аккомпаниментъ рояля, щелканіе кастаньетъ и звонъ бубенъ и тамбуриновъ!..

Изъ постоянныхъ участницъ и участниковъ великосвѣтскаго балета многіе не разъ отмѣчались въ печати какъ оригинальные исполнители классическихъ или характерныхъ танцевъ. Для нѣкоторыхъ эти балетные спектакли сыграли большую роль и помогли найти свое настоящее призваніе. Вопреки распространенному мнѣнію, что въ балетномъ искусствѣ можно добиться извѣстной степени совершенства только при условіи постояннаго упражненія, начиная съ 8-ми лѣтняго возраста,—любительницы [illegible], что при желаніи онѣ могутъ оказаться полезными и [illegible] труппѣ. Въ прошломъ году отправилась въ турнэ по Росс[illegible] тельница Е. Якубова, а въ январѣ этого года уѣхали за гр[illegible] Е. Линевская и Л. Красовская, подписавъ съ [illegible] трактъ на полтора года.

Постоянными участницами великосвѣтскихъ [illegible] ются также: граціозная княжна М. Вяземска[illegible] M-lle Кохъ, отлично танцующая мазурку, [illegible] M-lles Маковская (дочь художника), Циглер[illegible] ликанъ, Столица, Навроцкій, Глазуновъ. [illegible] Въ качествѣ кавалера княгини для испо[illegible] скихъ pas de deux приглашаются бале[illegible] Семеновъ и для послѣдняго спектакля [illegible]

Княгиня чужда новому направленію [illegible] но никогда не протестуетъ противъ [illegible] такляхъ отдѣльныхъ номеровъ въ духѣ [illegible] сама оставаясь, однако, вѣрной классическ[illegible] Любовь княгини къ балету [illegible] отдаетъ ему, постоянно работая [illegible] объясняетъ теософическимъ соображені[illegible] своихъ предыдущихъ существ[illegible] цей въ какомъ то древнемъ храмѣ [illegible] ситься, но нельзя не признать, ч[illegible] ствованіи княгиня много сдѣла[illegible] пониманія его широкой публикой [illegible] услугу.

На балу въ Институтѣ Путей Сообщенія. (Менуэтъ въ костюмахъ эпохи Александра I).

Граф. Е. В. Игнатьева (рожд. Охотникова), княг. де-Фосиньи-Люсэнжъ и гг. Кингслэндъ. Танцовали „Invitation à la valse" Вебера у граф. де-Беарнъ (въ Парижѣ).

И. П. Родзянко (рожд. Лазарева) [illegible]

На балу у шталм. Гартонгъ— „Invitation à la valse". Баронесса Э. Р. Розенъ и графъ Лаленгъ (атташе бельгійскаго посольства).

М. Э. Дерфельденъ, рожд. Пистолькорсъ, въ египетскомъ костюмѣ.

ЕЩЕ ОДНА ВЕСНА...

Еще одна весна.-Ручьями съ горъ
Вода журча бѣжитъ; уже съ полей
Послѣдній таетъ снѣгъ. Волнуясь, боръ
Шумитъ, и съ крикомъ страннымъ журавлей
Надъ рѣчкой стая протянулась вновь.
Въ поляхъ пѣвцовъ воздушныхъ хоръ гремитъ
И снова дивныхъ, тихихъ вечеровъ
Весеннихъ волшебство. Скворецъ свиститъ
Протяжно и задумчиво, въ лучахъ
Прощальныхъ солнца, провожая день.
Звѣзда зажглась въ вечернихъ небесахъ,
И отъ березъ легла на поле [illegible]
И ночь пришла такая же собой,
Какъ день—томительная, чудная
Весны. И мѣсяцъ робкій, молодой
Поднялся надъ рѣкой, и скрытая
Проснулась жизнь ночная. [illegible]
Тревожныхъ, въ садъ заснувшій [illegible]
Вздохнуть вольнѣй, послушать [illegible]
Ночной, забившей въ вены. [illegible]
Пропитанная влагой, [illegible]
Отъ наслажденія, [illegible]
Блаженно лепетала. Съ горъ [illegible]
Еще текли ручьи. И [illegible]
Бездонной, безконечной, [illegible]
Еще несмѣлые [illegible]
И внятно въ этотъ [illegible]
Я понялъ жалкое [illegible]
Моей, безпомощной, [illegible]
Я понялъ [illegible]
И въ ней [illegible]
И въ мірѣ [illegible]

М. Э. Дерфельденъ и М. П. Лазаревъ въ египетскихъ костюмахъ; участвовали въ качествѣ исполнителей египетскаго танца на маскарадномъ балу у гр. М. Э. Клейнмихель. Танецъ этотъ имѣлъ выдающійся успѣхъ.

ОБЪ ИСКУССТВѢ СЕГОДНЯШНЯГО ДНЯ.

Два теченія господствуютъ въ настоящую минуту въ искусствѣ. Одно — раболѣпно ретроспективное, другое, враждебное ему, футуристическое, горизонты котораго далеко впереди, въ оцѣнкѣ потомства. Первое теченіе тянетъ насъ назадъ къ предкамъ, къ искусству покойниковъ, къ освященнымъ канонамъ, второе рушитъ все старое и готовитъ почву для будущаго искусства, которое будетъ оцѣнено нашими правну[illegible] же искусство наше, гдѣ же искусство со[illegible], гдѣ сегодняшнія радости и сегодняшнее [illegible] искусствомъ, отражающимъ нашу, именно [illegible]душкину и не правнуковъ жизнь?..

[illegible] отучимся отъ этой гибельной манеры [illegible], презирать, а, главное, *не замѣчать* ми[illegible]щую, сегодняшнюю минуту, которая и [illegible] жизнь!

[illegible] этого намъ предлагаютъ умиляться про[illegible]мъ или творить, что сейчасъ органически нена[illegible]намъ, ради той книжки, которая черезъ сто

Леонъ Бакстъ.

лѣтъ скажетъ: „Да, они были правы, они предчувствовали наше, ихъ потомковъ, искусство".

Да я не хочу этого! Меня вовсе не интересуетъ, что черезъ сто лѣтъ мой потомокъ оцѣнитъ мое предвкушающее обоняніе. А я хочу искусства сегодняшняго дня, для меня одного, для радостей моихъ и надъ вѣнками и пальмами моихъ потомковъ я смѣюсь отъ всей души!

Эстетизмъ приказываетъ намъ признать, что только наши предки, что только покойники и умѣли дѣлать настоящее искусство и что мы, бездарные потомки, должны жить искусствомъ мертвымъ, если хотимъ вообще искусства вокругъ насъ.

И, посмотрите, что выходитъ: мы живемъ въ прошловѣковыхъ зданіяхъ, среди старинной мебели, обтянутой облѣзлыми матеріями, среди картинъ драгоцѣнныхъ „патиною" или желтизною, мы смотримся въ зеркала блеклыя, тусклыя, съ очаровательными пятнами и ржавчиной, гдѣ еле можемъ разсмотрѣть свою позорную современную фигуру, наряженную въ платье изъ стариннаго куска матеріи. Право, ярые „пассеисты", кажется, готовы были бы замѣнить и усовершенствованную англійскую гигіену чудесными, какъ они увѣряютъ, chaises percées, въ которыхъ, по ихъ увѣренію, столько прошловѣковаго очарованія.

Я долженъ сознаться, что не могу отдѣлаться отъ мысли, оставаясь въ такой обстановкѣ, что все, что вокругъ меня, сфабриковано мертвецами для мертвецовъ и что я, современникъ, въ сущности, intru (втируша) въ этомъ почетномъ и красивомъ собраніи произведеній мертвецовъ.

Какъ вы хотите, чтобы я чувствовалъ себя современникомъ, чтобы я совершалъ живыя, добрыя дѣла среди искусства, которое все время лишь меланхолически поетъ, что все въ прошломъ?!

Когда же мы избавимся отъ заразы „пассеизма", прошловѣковья?

А теперь посмотрите на другой лагерь, лагерь смертельныхъ враговъ „пассеистовъ", на пресловутый футуризмъ. Все поставлено на карту во имя будущей оцѣнки. Такое-же, одинаковое, какъ у пассеистовъ, презрѣніе къ сегодняшнему дню; глазъ, устремленный къ будущей книжкѣ исторіи искусства, которая все пойметъ и все оцѣнитъ. Произведенія, пишущіяся для того, чтобы ихъ впослѣдствіи оцѣнили. Сегодняшній день—это день „пока"; это день „въ ожиданіи", величина не очень значительная, вотъ потомки — эти умники, они насладятся нашимъ искусствомъ...

Но нѣтъ, я не хочу этого, я не хочу, чтобы мой сегодняшній день былъ лишь ступенью для „единственно подлиннаго, значительнаго завтрашняго дня"!

Когда наши часы или зеркало напоминаютъ намъ, что время несется съ сатаническою быстротою, оставляя въ насъ лишь сожалѣніе о вчерашнемъ днѣ, вотъ тутъ-то пробуждаются горькія и позднія мысли, что есть только одно важное время — настоящее, единственно значительная минута, сегодняшняя.

Эти минуты просвѣтлѣнія очень горьки.

Но зато это самыя мудрыя и самыя подлинныя минуты нашего самосознанія. Въ эти минуты мы видимъ себя во весь ростъ, такими, какими насъ создала вселенная, путешественниками, одинъ разъ совершающими жизненный путь.

Эти минуты просвѣтлѣнія подымаютъ до невѣроятной цѣнности значеніе сегодняшняго дня, сегодняшнихъ радостей, сегодняшняго искусства. Онѣ помогаютъ намъ возстановить равновѣсіе въ нашемъ мышленіи.

Скажите же теперь намъ, гдѣ современное искусство, предназначенное исключительно для насъ самихъ, гдѣ искусство, которое намъ приноситъ наслажденіе, насъ волнуетъ, возвышаетъ нашу душу?.. Къ чорту будущихъ историковъ искусства, дайте намъ искусство, способное влиться мощною волною въ нашу жизнь, какъ квинтессенція насъ самихъ и нашего времени. Гдѣ то искусство, не помѣшавшее Аристофану сдѣлаться такимъ же геніемъ, какъ и Софоклъ? Намъ предлагаютъ искусство мертвыхъ или работу для потомства.

У кого хватитъ смѣлости сознаться, что и прошлое и будущее для сегодняшней жизни представляется очень ненужною и малою цѣнностью, которая на вѣсахъ человѣческаго счастія ничего почти не прибавляетъ?

Я, по крайней мѣрѣ, не стыжусь сознаться, что прошлое меня интересуетъ чрезвычайно мало, но, главнымъ образомъ, я чихать хочу (!) на будущее.

Левъ Бакстъ.

P. S. Статью Бакста редакція съ удовольствіемъ помѣщаетъ, по мнѣніе Бакста не есть мнѣніе журнала.

Что же такое искусство даннаго дня? Видимо, это модернизмъ, ярымъ поклонникомъ котораго является Бакстъ. Но почему истинно красивъ модернизмъ, а не футуризмъ или пассеизмъ? Почему именно

модернизмъ есть исключительное искусство, которое доставляетъ наслажденіе сегодня, а всѣ другія направленія въ искусствѣ не доставляютъ этого сегодняшняго наслажденія?! А если старый, отполированный временемъ, прабабушкинъ диванъ корельской березы радуетъ больше, чѣмъ фіолетовый парикъ!?..

Сейчасъ Бакстъ — одинъ изъ наиболѣе популярныхъ художниковъ, спросъ на него громадный. Разсказываютъ, что съ восьми часовъ утра къ нему трезвонятъ безпрестанно по телефону поклонники, интервьюеры дежурятъ часами у его дверей...

Бакстъ поставилъ нѣсколько костюмированныхъ баловъ у графини Шуваловой, у Половцовой и другихъ. Не только костюмы сдѣланы были по его рисункамъ, но и, создаваемая имъ, мода на цвѣтные парики принята съ полной готовностью. На балу всѣ въ цвѣтныхъ парикахъ—зеленыхъ, лиловыхъ, красныхъ и даже золотыхъ и серебряныхъ!..

О своемъ художественномъ credo Бакстъ говоритъ: „Je suis un moderniste enragé!"...

Рисунокъ Л. Бакста для свѣтл. княгини Горчаковой— „Восточный костюмъ".

КАКЪ ВЕСЕЛЯТСЯ ВЪ ИНДО-КИТАѢ.

Жизнь этой отдаленной колоніи прекрасно описана Клодомъ Фарреромъ, особенно въ его книгѣ „Les civilisés“.

Группа участниковъ „Персидскаго праздника“, устроеннаго русскимъ вице-консуломъ г. Рокъ въ г. Хайфонгѣ (Тонкинъ) въ день тезоименитства Государя Императора. Среди присутствующихъ сестра нашего сотрудника NN. (русская, замужемъ за французомъ)

Группа участниковъ „Персидскаго Праздника“—живая картина изъ „Тысячи и одной ночи“. [illegible] г. Рокъ.

Снимки сдѣланы 6 декабря 1913 г.

Г. Рокъ, хотя и французъ, не пропускаетъ ежегодно тезоименитства Государя, устраивая въ этотъ день какое-нибудь торжественное представленіе, балъ или обѣдъ.

Въ прошломъ году г. Рокъ принималъ у себя русскаго авіатора Кузминскаго и устроилъ его публичные полеты.

Пассажиры русскихъ пароходовъ, останавливающихся въ Хайфонгѣ, пользуются всегда гостепріимствомъ нашего вице-консула.

„ФЭШІОНЪ“.

(Разсужденія не очень серьезныя, но пріятныя).

Мой благородный другъ сэръ Арчибальдъ Сейльтонъ изъ знаменитаго рода Сейльтоновъ, подарившаго Англіи выдающихся юристовъ, проповѣдниковъ и государственныхъ людей, любитъ повторять еще до сихъ поръ слѣдующій афоризмъ: „Элегантность во внѣшности и въ мысляхъ, умѣніе владѣть собой и врожденная любовь „играть въ открытую“—fashion, self-control, fair play,—вотъ три качества необходимыя для того, чтобы имѣть право считаться истиннымъ джентльмэномъ“.

Сэру Арчибальду нынѣ болѣе 80-ти лѣтъ. Но это еще очень бодрый и красивый старецъ, сохранившій утонченныя манеры, прекрасный желудокъ и хорошаго портного. Онъ родился въ ту счастливую эпоху англійской исторіи, когда Великобританія отдыхала отъ своихъ многочисленныхъ побѣдъ, какъ на полѣ брани, такъ и за столомъ дипломатовъ. Англійская молодежь того времени была увѣрена въ своихъ силахъ и въ будущемъ своей родины; она пользовалась жизнью съ нѣкоторой беспечностью и со здоровымъ смѣхомъ оптимистовъ. Въ молодости своей онъ знавалъ лично близкихъ друзей Джорджа Брайяна Брюммеля, тѣхъ изъ нихъ, которыхъ называли „коринѳянами“; встрѣчался въ Лондонѣ съ графомъ д'Орсэ, а въ Парижѣ присаживался въ Maison d'or и у Тортони за однимъ столикъ съ Барбэ д'Оревильи и Рожэ де Бовуаръ.

Впослѣдствіи сэръ Арчибальдъ неоднократно давалъ дружескіе совѣты знаменитому въ свое время Джону Вильямсону, основателю „Taylor and Cutter Magazine", а когда Оскаръ Уайльдъ вмѣстѣ съ Обри Бердслей сталъ издавать роскошный журналъ, посвященный мужской модѣ и дэндизму, журналъ являющійся нынѣ большой библіографической рѣдкостью, то сэръ Арчибальдъ, подъ именемъ знаменитаго дамскаго портного XVIII-го столѣтія Пажелла, одѣвавшаго весь „traits galants" временъ Людовика XV, написалъ въ этомъ журналѣ нѣсколько замѣтокъ о трудномъ искусствѣ быть одѣтымъ, какъ настоящій джентльмэнъ!

Но подобно всѣмъ своимъ знаменитымъ предшественникамъ, сэръ Арчибальдъ всегда возставалъ противъ распространеннаго мнѣнія, что дэндизмъ есть лишь умѣніе одѣваться и что дэнди только дикторъ или законодатель модъ. На самомъ дѣлѣ, настоящій дэндизмъ это цѣлая наука умѣнья жить, умѣнья развивать характеръ и волю. Дэндизмъ своего рода „состояніе духа", „manière d'être", исключительно сотканная изъ нюансовъ и процвѣтающая, главнымъ образомъ, среди утонченнаго, вполнѣ цивилизованнаго и нѣсколько пресыщеннаго общества, въ которомъ ко всему относятся съ легкой ироніей и гдѣ нравственность только извѣстная форма вѣжливости, а лицемѣріе — дань порока добродѣтели...

Самъ по себѣ вопросъ о томъ, какъ надо быть одѣтымъ и что надо надѣть, отходитъ у дэнди на второй планъ. Главное по его мнѣнію, это умѣть носить то, что на васъ надѣто! Джорджъ Брюммель, напримѣръ, никогда не придавалъ особаго значенія тому, какое платье было на немъ надѣто, и его портные Давинсонъ и Мейеръ, которыхъ многіе его современники считали созидателями его славы, играли для него лишь второстепенную роль... Правда, Брюммель зналъ, что „по одеждѣ встрѣчаютъ", а поэтому онъ всегда былъ одѣтъ корректно, хотя безъ всякихъ претензій. Онъ совершалъ свой туалетъ долго и тщательно, но послѣ этого сейчасъ же забывалъ о томъ, что было на немъ надѣто.

Джоржъ Брайянъ Брюммель.

Такимъ образомъ, по мнѣнію и Брюммеля и моего друга, сэра Арчибальда Сейльтона, можно оставаться дэнди и въ старомъ поношенномъ платьѣ!

Лордъ Спэнсеръ ходилъ одно время съ одной фалдой на своемъ фракѣ и только нѣсколько времени спустя отрѣзалъ ее и положилъ, такимъ образомъ, начало будущему смокингу... Но, какъ бы то ни было, дэнди не олицетворяетъ собой модную картинку и если процессъ одѣванія его занимаетъ, то лишь постольку, поскольку платье гармонируетъ съ складомъ его души и иллюстрируетъ его настроеніе и мысли.

Я помню, съ какой точностью и стараніемъ мой благородный старый другъ оттѣнялъ всѣ эти особенности. Онъ говорилъ:

— Оскаръ Уайльдъ былъ правъ, когда увѣрялъ, что становясь слишкомъ современнымъ, человѣкъ рискуетъ быть крайне старомоднымъ. На первый взглядъ это кажется парадоксомъ. Но, подумавши хорошенько, поймешь, сколько истины скрывается въ этихъ словахъ. Все это особенно важно, когда имѣешь въ виду моду, гдѣ подражаніе бываетъ всего болѣе опаснымъ. Мы, англичане, дѣлаемъ моду для насъ самихъ. Мы беремъ толстыя, хотя и мягкія матеріи „Harris tweeds", „homespuns". Мы любимъ яркіе цвѣта, носимъ практичную обувь и кроимъ все широко и такъ, чтобы было удобно... Все это потому, что мы народъ спортивный, потому что мы любимъ просторъ и стараемся быть на воздухѣ, какъ можно больше и чаще, потому что у насъ не достаетъ свѣта и мы стараемся помочь этому яркостью тоновъ нашей одежды. Но возьмите, напримѣръ, парижанина: спортомъ онъ не занимается, на свѣжемъ воздухѣ бываетъ рѣдко, въ деревню не ѣздитъ, свѣта у него и въ городѣ достаточно, а между тѣмъ онъ беретъ цвѣта нашихъ матерій, покрой нашихъ платьевъ, нашу обувь и наши привычки: выходитъ нѣчто смѣхотворное. Гнаться за модой, перенимать другъ у друга послѣднія мелочи туалета,—вотъ чего не сдѣлалъ бы ни одинъ дэнди моего времени, подъ страхомъ быть дисквалифицированнымъ... Собственно, можно сказать, что дѣйствительно элегантный человѣкъ это тотъ, кто проходитъ незамѣченнымъ въ толпѣ. Но для этого требуется масса вкуса и много врожденнаго благородства, дающаго возможность носить н[illegible] брежно самыя парадныя [illegible] Недостаточно, чтобы [illegible] жакъ, сюртукъ или фракъ [illegible] были надѣты на васъ, необх[illegible] чтобы они составляли вмѣ[illegible] вами нѣчто цѣлое, сж[illegible] приспособившееся к[illegible] гурѣ...

— Затѣмъ, оче[illegible] каждый родъ [illegible] своему назначе[illegible] пользовались [illegible] пиджака, жакета, с[illegible] есть положенные ча[illegible] рыхъ носить ихъ быва[illegible] тично и, часто, да[illegible] шно. Надо также зна[illegible] можно и нельзя надѣва[illegible] галстухъ къ фраку, бѣ[illegible] къ смокингу и т. п...—[illegible] важно,—съ иронической ул[illegible] продолжалъ мой другъ.

— Можно дать волю личной иниціативѣ и [illegible] вкусу, если таковой имѣется, въ противномъ случаѣ не грѣхъ обратиться за совѣтомъ. Конечно, портные или снобы не преминутъ васъ осудить за то или иное отступленіе отъ послѣдняго слова моды, но вы не обращайте на это вниманія. А что портные и модники странный народъ, вотъ вамъ примѣръ изъ жизни Джона Вильямсона, бывшаго въ свое время крупной личностью въ Лондонѣ. Онъ постоянно критиковалъ окружающую его жизнь подъ спеціальнымъ портновскимъ угломъ зрѣнія. Такъ, однажды, послѣ посѣщенія выставки въ Royal Academy онъ написалъ въ издаваемомъ имъ журналѣ: „На портретѣ лорда Теннисона я не замѣтилъ ни одной петли и ни одной пуговицы. Художникъ, который писалъ этотъ портретъ, лишенъ всякаго таланта". Или, возвращаясь какъ то разъ изъ палаты лордовъ послѣ бурнаго засѣданія, онъ воскликнулъ: „Сюртукъ лорда Роберта Сесиль скроенъ безобразно, онъ поднимается у него до самыхъ ушей и не имѣетъ никакого желанія опуститься. Лордъ Сесиль предметъ презрѣнія для честнаго портного"...

Такъ говорилъ о фэшіонѣ мой благородный другъ сэръ Арчибальдъ Сейльтонъ.

Николай Брянчаниновъ.

ВЪ ЗРИТЕЛЬНОЙ ЗАЛѢ.

ЭТО БЫЛО ДАВНО...

(Изъ замѣтокъ балетомана).

Я началъ посѣщать балетъ, когда петербургская ·сихора ютилась въ Большомъ театрѣ, который, огорченію всѣхъ, помнящихъ его, превратился въ ··гную консерваторію.

Петербургъ лишился одного изъ красивѣйшихъ мятниковъ далекаго прошлаго. Балетоманы чувствовали себя первое время въ Маріинскомъ театрѣ, какъ въ гостяхъ. Они привыкли къ закоптѣвшему нижнему буфету Большого театра, гдѣ собирались въ антрактахъ. Это былъ ихъ клубъ. Объ электрическомъ освѣщеніи тогда не мечтали. Въ зрительномъ залѣ, тѣмъ не менѣе, во время спектакля было свѣтло. Вспомните Онѣгина...

Всѣ ярусы окинувъ взоромъ,
Все видѣлъ: лицами, уборомъ
Ужасно недоволенъ онъ...

Въ настоящее время онъ ничего бы не разглядѣлъ. Между сценой и публикой первыхъ рядовъ и ближайшихъ къ сценѣ ложъ существовало общеніе, была какая то связь. Терпсихора не пользовалась нынѣшней популярностью, она оставалась въ почетѣ лишь у ограниченнаго кружка ея пламенныхъ и вѣрныхъ почитателей. Только съ появленіемъ Виржиніи Цукки началось широкое увлеченіе балетомъ.

Маріинскій театръ, освѣщенный электричествомъ, мы увидѣли 9-го февраля 1886 года. Съ этихъ поръ, какъ только поднимался занавѣсъ, въ залѣ воцарялась тьма...

Многихъ будущихъ генералъ-адъютантовъ, адмираловъ, министровъ и командировъ, дивизій и корпусовъ я встрѣчалъ въ балетѣ еще молодыми. Словно сонъ, пролетѣли тридцать лѣтъ... Оглядываюсь назадъ и не вѣрю: это какая-то сказка, какой-то именно сонъ изъ стараго романтическаго балета. А какіе волшебные и причудливые сны показывалъ намъ Маріусъ Петипа подъ музыку Пуни и Минкуса, композиторовъ на жалованіи, вдохновлявшихся по приказанію директоровъ Императорскихъ театровъ!

На мѣстѣ маэстро Дриго, помахивалъ палочкой старецъ Папковъ, который плакалъ горькими слезами, когда ему предложили, послѣ 45 лѣтъ службы, удалиться на покой.

Залъ въ дни балетныхъ спектаклей временъ Цукки сдѣлался неузнаваемъ. Весь Петербургъ очутился здѣсь. Три дипломата не выходили изъ театра: итальянскій посолъ графъ Греппи, турецкій—Шакиръ-Паша и испанскій посланникъ маркизъ Кампо-Саграло. Скальковскій тогда еще, подтрунивая, называлъ ихъ „тройственнымъ союзомъ".

Кого только не приходилось встрѣчать въ балетѣ. Даже К. П. Побѣдоносцевъ заглянулъ сюда однажды!

Въ то время бенефиціантки и бенефиціанты не назначали такихъ высокихъ цѣнъ на мѣста, какъ теперь, но практиковалась другая система: билеты разсылались по особому списку, утвержденному опытными балетоманами, и было принято отвѣты съ преміями направлять на квартиры артистовъ. Кто попадалъ въ этотъ списокъ, тотъ получалъ билеты всегда.

Я помню, какъ биржевой маклеръ Гольденбергъ, создававшій погоду на биржѣ, прислалъ Цукки за кресло пятьсотъ рублей. Мало кто изъ посѣтителей перваго ряда посылалъ за кресло меньше ста.

Случались и курьезы. Списки жертвъ бенефиціантовъ не провѣрялись, и одна итальянская балерина отправила ложу генералу, который за мѣсяцъ до бенефиса скончался. Билетъ пропалъ. Началась переписка съ наслѣдниками, которые, по утвержденіи ихъ въ правахъ наслѣдства, уплатили номинальную цѣну за билетъ.

Ужины и банкеты въ честь балеринъ нѣсколько охладили балетомановъ. По раскладкѣ, съ каждаго изъ нихъ за ужинъ приходилось иногда по 150 рублей. Такой счетъ многимъ былъ не по душѣ. Больше всѣхъ протестовалъ К. А. Скальковскій.

Но что такое всѣ эти лукуловскіе пиры, по сравненію съ подарками, которые подносили въ концѣ прошлаго столѣтія. Напримѣръ, Цукки подали колье въ пятнадцать тысячъ рублей и брошь въ пять тысячъ рублей; В. А. Никитиной не разъ подавали драгоцѣнные камни, стоющіе не меньше ..

Бріанцѣ подносили подарки въ 7-8 тысячъ рублей. Она получила въ одинъ изъ бенефисовъ бирюзу, равной которой по размѣру и качеству ювелиры не знали. Разсказывали, что эта бирюза была исторической.

Не забыли даже матери бенефиціантки, которой прислали сотню дорогихъ сигаръ: она любила курить сигары!..

Литература не оставалась чуждой балета: графъ А. Жасминовъ (В. П. Буренинъ) посвятилъ ему нѣсколько юмористическихъ блестокъ. С. А. Андреевскій привѣтствовалъ шуточнымъ стихотвореніемъ балерину Дель-Эру, причемъ по адресу другихъ итальянокъ говорилъ:

Но въ царство зефира
И въ рощи сильфидъ
Имъ честная лира
Вступать не велитъ.

А. Н. Бѣжецкій выступилъ съ поэмой, посвященной также Дель-Эрѣ. Поэма называлась „Антоньета". Балерина Леньяни очаровала А. С. Суворина, заявившаго, что итальянка плясала „русскую" превосходно и оригинально.

Критиками балета я засталъ К. А. Скальковскаго, камеръ-юнкера Н. М. Безобразова, дѣйствительнаго статскаго совѣтника А. П. Похвиснева, С. Н. Худекова, Д. Д. Коровянова и А. А. Гринева, мужа извѣстной балерины Е. О. Ваземъ. Гриневъ скончался до торжества итальянокъ. Изъ остальныхъ здравствуетъ только С. Н. Худековъ, оставшійся вѣрнымъ Терпсихорѣ и выпустившій недавно въ свѣтъ первый томъ серьезнаго труда о танцахъ и балетѣ всего міра.

Скальковскій, Безобразовъ и Похвисневъ—это были незамѣнимые фигуры театраловъ. Они часто перебранивались, ссорились, другъ друга вышучивали, но по настоящему любили танцы и понимали ихъ.

Направленіе критики въ балетѣ всегда было благожелательное. Въ этомъ отношеніи балетные артисты

счастливѣе артистовъ оперныхъ и особенно драматическихъ, о которыхъ нѣкоторые критики отзывались пренебрежительно и даже оскорбительно. „Этотъ всѣхъ „разнесетъ!"—приходилось слышать въ театрахъ.

Изъ представителей литературы балетъ чаще другихъ посѣщалъ П. Д. Боборыкинъ. Въ юности я встрѣчалъ въ балетѣ Некрасова и однажды былъ съ нимъ и съ его женой въ ложѣ. Они приглашали меня и въ оперу слушать Комиссаржевскаго.

Итальянки подняли нашъ балетъ во всѣхъ отношеніяхъ: онѣ собирали публику, увеличили число адептовъ Терпсихоры и послужили образцомъ для русской танцовщицы, которая превзошла ихъ въ искусствѣ. Дорого мы заплатили итальянкамъ, но еще больше поплатились онѣ, потому что потеряли всѣ заграничныя сцены, гдѣ первенствуетъ теперь русская танцовщица.

Первой, которая дала генеральное сраженіе итальянкамъ, была Кшесинская.

Она выиграла это сраженіе.

А. Плещеевъ.

О БЛАГОРОДНОМЪ СПОРТѢ.

Весь спортивный міръ обоихъ полушарій былъ на дняхъ въ большомъ волненіи: предстоялъ грандіозный, давно невиданный матчъ на первенство міра между молодымъ, но уже прославленнымъ боксеромъ, французомъ Карпантьэ и извѣстнымъ мулатомъ Джое Жанеттомъ.

Еще задолго до дня, назначеннаго для этого состязанія, всѣ мѣста были разобраны; по кабелю, по телеграфу и по почтѣ изъ Лондона, Нью-Іорка, Берлина и даже Петербурга были посланы въ Парижъ заказы на кресла и стулья въ 175, 100, 75 франковъ. Въ день матча въ Парижѣ состоялся большой съѣздъ всѣхъ извѣстныхъ и видныхъ „aficionados", этого новаго рода „corridas", „корридасъ мускуловъ", если можно такъ выразиться. Всѣ спортивныя газеты міра имѣли своихъ представителей въ громадномъ помѣщеніи парижскаго „Луна-Парка", гдѣ состоялась встрѣча, и въ продолженіе цѣлаго часа телеграфъ и кабель были заняты передачей въ Австралію, въ Африку и въ Америку подробностей и результата этого выдающагося состязанія.

Такое міровое увлеченіе боксомъ—явленіе самыхъ послѣднихъ лѣтъ. Оно свидѣтельствуетъ прежде всего о силѣ вліянія и нравственной гегемоніи англо-саксонской расы. Боксъ, этотъ чисто англійскій видъ спорта, имѣетъ нынѣ большихъ любителей и горячихъ сторонниковъ не только въ германскихъ и латинскихъ странахъ, но и въ Россіи, несмотря на то, что у насъ онъ не получилъ еще оффиціальнаго права на жительство. Конечно, въ этомъ увлеченіи есть большая доля снобизма, тѣмъ не менѣе, фактъ на лицо, что обыкновенной борьбой интересуются теперь, главнымъ образомъ, низшіе классы „la populace" и что спортсмэны изъ общества относятся совершенно равнодушно къ тому, кто кого, когда и какъ положилъ на лопатки.

Но боксъ,—это другое дѣло! Во-первыхъ, каждому боксеру-профессіоналу будь онъ даже „colour man", можно пожать руку и выпить съ нимъ стаканъ „whisky and soda", что неприлично съ обыкновеннымъ борцомъ; затѣмъ, боксерскій языкъ пестритъ массой очень трудно произносимыхъ, но англійскихъ словъ; наконецъ, не надо забывать, что въ Великобританіи боксу покровительствуетъ почти вся англійская аристократія и что еще недавно на матчѣ между бомбардиромъ Уэллсомъ и Патъ О'Кифъ въ „Regent's Park Barracks" присутствовалъ самъ король Георгъ...

Боксъ имѣетъ свою исторію и традиціи.

Сеансы и матчи бокса посѣщались въ свое время всѣми англійскими дэнди съ великимъ Брюммелемъ во главѣ. Боксъ называется въ Англіи „благороднымъ" спортомъ. Несмотря на подбитые глаза, приплюснутые носы и выбитые зубы, какъ въ Испаніи настоящіе „oficionados" не видятъ крови, также и въ Англіи любители бокса не замѣчаютъ подобныхъ мелочей.

Конечно, и въ Англіи существуютъ противники этого спорта но это люди, большею частью „пьющіе воду" и принадлежащіе къ „Fabian Society". Они ничего не сдѣлали для величія [illegible]таніи, и въ наше время, когда столь важную роль въ жизни [illegible] вѣка играютъ смѣлость, рѣшимость, умѣніе быстро соображат[illegible] владѣть собой, качества столь прекрасно [illegible] они подобны жалкому Андроклу, надъ кот[illegible] не столь давно Бернардъ Шоу.

Англичане въ этомъ спортѣ цѣнятъ и то, ч[illegible] влясть сильныхъ, здоровыхъ и красивыхъ людей [illegible] женный боксеръ вызываетъ среди англичанъ то же ч[illegible] тическаго восторга и наслажденія, какое другіе сп[illegible] щаютъ при видѣ породистой лошади, а эстеты пр[illegible] статуей Антиноя.

Но такого сорта наслажденія могутъ испытыва[illegible] привыкшіе къ открытому воздуху и разнаго р[illegible] неніямъ, привыкшіе постоянно видѣть полу[illegible] позахъ борьбы и усилія, однимъ словомъ, к[illegible] имѣютъ постоянно передъ своими глазами гр[illegible] чане въ наше время. Намъ до этого ещ[illegible] кутающіеся домосѣды, мы избѣгаемъ въ м[illegible] déplace les lignes", какъ говорилъ еще Бодл[illegible]

Но, несмотря на то, что боксъ — спор[illegible] несложный, хотя и очень живописный лексиконъ [illegible] на континентѣ и отчасти у насъ, въ Россіи. Нѣк[illegible] еще не дошли до уха толпы, тѣмъ не менѣе, по [illegible] нашихъ спортивныхъ обществъ умѣютъ уж[illegible] „uppercut'a" и знаютъ, что боксеръ, начинающій [illegible] считать себя „groggy".

Хуже обстоитъ дѣло съ самой исторіей ан[illegible] между тѣмъ, она была во всѣ времена чрева[illegible] изобилуетъ великими именами. Восемнадцатое столѣті[illegible] лось именемъ великаго Фигга; девятнадцатое — им[illegible] Корбетта, Боба Фицъ Симмонса и Томми Бернса [illegible] нающій вѣкъ знаетъ такихъ выдающихся боксеровъ, как[illegible] Джонсонъ, Джемсъ Жеффрисъ, Жоржъ Карпантье, и [illegible] о разныхъ Пепкэ, Левисъ и т. п. Но каждый боксеръ, дост[illegible] этого имени, входя на „ring", мечтаетъ, если не превзойти, то хотя сравниться съ этими свѣтилами.

Глобтроттеръ

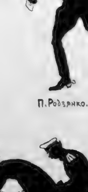
Комитетская ложа.

А.Бертренъ.

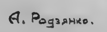
Въ публикѣ.

П.Родзянко.

Г-жа фанъ Зонъ.

А. Родзянко.

НАШИ ТАЛАНТЫ (Стилизованные).

Н. Н. Евреиновъ

Ст. и Ус.

(Шаржъ Дени).

Concours Hippique 1914. (Шаржи Поля Робера)
1. Д. М. Иваненко. *27.* В. Д. Парфеновъ. 52. Ю. А. Ширинскій-Шихматовъ. 2[illegible]

Праздникъ спорта въ Морскомъ Кадетскомъ корпусѣ.

Фехтованіе гардемаринъ.

Товарищескій обѣдъ Пажескаго Е. И. В. корпуса.

Среди присутствующихъ: камерг. Г. П. Карповъ, полк. Казакевичъ, флиг.-адъют. полк. М. А. Цвѣцинскій, полк. А. И. Араповъ, Ю. Л. Львовъ, чл. Госуд. Сов. Мосоловъ, ген.-лейт. М. А. Лермонтовъ, ген.-лейт. бар. Сталь-фонъ-Гольштейнъ, чл. Госуд. Думы Тевкелевъ, шталм. А. Н. Трубниковъ, ген.-лейт. Г. П. Ермоловъ, ген.-отъ-кав. Н. А. Винтуловъ, ген.-отъ-арт. Д. Д. Кузьминъ-Караваевъ, шталм. Вонлярлярскій, ген.-лейт. В. А. Шильдеръ (б. директ. корпуса), ген.-м. Н. Н. Усовъ (директ. корпуса), кам.-юнк. гр. А. М. Ланской, ген.-м. Бельгардъ, ген.-лейт. Г. Г. Христіани, П. Ф. Девіенъ, ген.-м. гр. Граббе, ген.-м. кн. Меликовъ, ген.-м. Воейковъ, полк. А. А. Петровъ.

О ЮВЕЛИРНОМЪ ИСКУССТВѢ.

Любовь къ красивому и прекрасному во всѣхъ областяхъ беретъ свое начало съ доисторическихъ временъ.

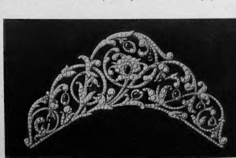
Благодаря произведеннымъ въ послѣднее время раскопкамъ, были извлечены на свѣтъ такіе шедевры искусства, что невольно поражаешься чувству вкуса, изяществу во всѣхъ областяхъ человѣческаго генія этой далекой отъ насъ эпохи.

Всѣ народы Египта, Греціи, Рима и, въ особенности, народы Востока украшали свои жилища и предметы обихода разными драгоцѣнностями.

Уже во время античнаго міра ювелирное дѣло было искусствомъ, полнымъ исканія новыхъ формъ, красоты рисунка, сочетанія цвѣтовъ; уже тогда оно было на большой высотѣ по техникѣ выполненія работъ. Все большія и большія требованія, предъявляемыя въ отношеніи художественности, поставили ювелирное дѣло на ту высоту, на которой оно находится въ наше время. Переживая различныя теченія и направленія, испытывая на себѣ „капризы моды", ювелирное искусство стремится теперь обратиться къ образцамъ античнаго міра и, стараясь взять все лучшее изъ нихъ, сочетать въ одно цѣлое съ новыми формами. Многія вещи этого стиля отличаются простотой формы и поражаютъ красотой сочетанія красокъ и оригинальнымъ изяществомъ.

Однимъ изъ разсадниковъ ювелирнаго искусства у насъ является фирма А. А. Болинъ, существующая съ 1796 г. и выпустившая очень много вещей художественной работы. Недостатокъ мѣста не даетъ намъ, къ сожалѣнію, возможности привести многіе шедевры этой работы, мы можемъ помѣстить лишь немногіе изъ нихъ. Имя этой русской художественной фирмы извѣстно не только у насъ, но и за границей; значительная часть драгоцѣнностей нашего Двора, аристократіи и коллекціонеровъ — лучшія работы Болина.

Wic Progre.

Діадема брилліантовая съ фацетированными рубинами (мотивы взяты со старинной русской чарки XVI стол.).

Ожерелье—рогъ изобилія изъ мелкихъ бриллiантовъ, съ падающими изъ него цвѣтками съ 2 крупными старинными бриллiантами.

Діадема бриллiантовая въ стилѣ „Empire".

Большая бриллiантовая брошь съ 3 большими и мелкими рубинами.

Охота на медвѣдя въ Новгородской губ., въ Валдайскомъ уѣздѣ, вблизи имѣнія „Римно" Р. О. Висмонда. Около убитаго медвѣдя стоятъ извѣстные охотники-медвѣжатники Р. О. Висмондъ и В. А. Лучинскій.

* * *

Между прочимъ, интересно привести справку, что первымъ охотникомъ на медвѣдей въ Россіи вполнѣ заслуженно считается князь Ширинскій-Шихматовъ, теперешній Саратовскій губернаторъ: онъ убилъ уже больше 200 медвѣдей. Второе мѣсто принадлежитъ графу Потоцкому, убившему приблизительно такое же количество.

* * *

Медвѣжья охота—удовольствіе весьма не дешевое, такъ какъ помимо всѣхъ прочихъ расходовъ по организаціи охоты, приходится платить за каждую берлогу отъ 300 до 400 руб. тому, кто ее найдетъ.

Лосиная охота въ Новгородской губ., Валдайскаго уѣзда, близъ имѣнія „Римно".

БИБЛІОГРАФІЯ.

Э. Ю. КУПФФЕРЪ. Жилой Домъ. Спб. 1914 г.—5 р. 50 к.

У насъ вовсе нѣтъ искусства (или науки) домашняго уюта, домашняго удобства, комфорта. Мы—полная противоположность въ этомъ отношеніи англичанамъ или голландцамъ. Англійское понятіе „home" намъ почти чуждо; забота объ уютномъ уголкѣ въ квартирѣ, хотя бы маленькой, скромной—у насъ почти отсутствуетъ, намъ дороже „залъ", показная мебель, вообще показныя комнаты.

Книга Купффера—одинъ изъ первыхъ вкладовъ въ эту область науки объ уютѣ, хотя въ главной своей части она посвящена техническимъ архитектурнымъ вопросамъ. Одно тѣсно связано съ другимъ.

„Отъ раціональнаго строительства зависитъ до извѣстной степени народное благосостояніе", говоритъ авторъ.

„А стремленіе къ домашнему уюту есть показатель народнаго благосостоянія", добавимъ мы.

ПАМЯТНИКИ ИСКУССТВА ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ. Матеріалы годъ I, вып. I—II и годъ II, вып. I—II. Москва. 1913—14.

Изданные Тульскимъ Отдѣломъ „Общества защиты и сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины", состоящимъ подъ предсѣдательствомъ гр. Олсуфьева, „Матеріалы" представляютъ собою результатъ обслѣдованія памятниковъ, главнымъ образомъ, церковной и усадебной старины, находящихся въ предѣлахъ этой губерніи. Собранный по эпохамъ, преимущественно фотографическій, матеріалъ прелестно изданъ въ видѣ альбома. Изданіе это не для большого распространенія (500 экземпляровъ), скоро, несомнѣнно, станетъ библіографической рѣдкостью, но не въ этой просвѣтительной сторонѣ дѣятельность „отдѣла"; цѣль—популяризація старины.

Въ выпускѣ второмъ 1913 г. дано описаніе усадьбы Сафоновыхъ въ с. „Буйцы" (вторая половина XVIII вѣка); воспроизведены далѣе предметы, хранящіеся въ домѣ Протопопова (въ Бутыркахъ); издана прелестная коллекція графа Олсуфьева (въ селѣ Буйцы): фарфоръ, вѣера; богато представлено собраніе Давыдовскихъ (въ Каширѣ); домъ Нарышкиныхъ въ с. Козловкѣ и много другихъ интересныхъ предметовъ (миніатюръ и портретовъ).

Выпускъ II—1914 г. заключаетъ въ себѣ исчерпывающее описаніе усадьбы гр. Бобринскихъ (Богородицкъ), построенной архитекторомъ Стаховымъ,—одной изъ первыхъ русскихъ усадебъ. Далѣе дано много надгробныхъ монументовъ провинціальныхъ кладбищъ, семейный мавзолей въ имѣніи Давыдовскихъ и многіе другіе интересные старинные домики и наполняющіе ихъ предметы.

Въ общемъ „матеріалы" изданы просто, но благородно и съ большимъ вкусомъ.

Г. Л.

Г. К. ЛУКОМСКІЙ. Старинные театры. (Первый томъ). Спб. 1914.

Первый томъ интереснаго труда Г. К. Лукомскаго посвященъ „архитектонографіи" античныхъ театровъ.

Книга открывается подробнымъ описаніемъ античнаго театра по тѣмъ образцамъ, которые до насъ дошли и еще существуютъ въ южной Италіи и въ Сициліи.

Помимо разсмотрѣнія театровъ древняго міра и позднѣйшихъ эпохъ, съ точки зрѣнія ихъ архитектуры, авторъ вводитъ насъ въ ту художественную атмосферу, въ которой зарождался и сооружался театръ, и даетъ понятіе о той красотѣ, которая заключена въ пейзажѣ Капри, Таормины и Помпеи, являющемся нераздѣльной частью общей картины классическаго строительства эллиновъ и римлянъ, приспособлявшихъ воздвигаемыя формы къ созданному природой силуэту.

Описаніе античнаго театра и размышленія по его поводу занимаютъ болѣе половины объемистаго труда Г. К. Лукомскаго. Остальныя страницы посвящены театрамъ средневѣковья и театрамъ Италіи, Франціи, Испаніи, Англіи, Германіи и, наконецъ, Россіи въ эпоху ренессанса, барокко и классицизма.

Книга издана съ большимъ вкусомъ и украшена многочисленными иллюстраціями.

Н. В. Б.

П. ДУЛЬСКІЙ. Памятники казанской старины. Казань. 1914.

Вотъ какія хорошія книги объ архитектурѣ стали теперь издавать даже и въ провинціи; какъ выросъ, значитъ, интересъ къ старинѣ! Книга небольшая по размѣру, очень обстоятельна по содержанію; она прелестно иллюстрирована снимками (наклеенными на бумагу текста), даетъ полное впечатлѣніе о памятникахъ старины бывшей столицы Татарскаго Царства. Впрочемъ, отъ временъ татарскихъ почти ничего здѣсь не сохранилось и даже Сююнбекина башня оказывается не татарской постройкой, а XVIII столѣтія.

Въ хронологическомъ порядкѣ авторъ разсматриваетъ сначала памятники русской древности (Соборъ, Спасская башня, Ивановскій монастырь — колокольня), затѣмъ эпохи барокко (Петропавловскій Соборъ) и, наконецъ, особенно подробно (что существенно, ибо впервые) постройки эпохи классицизма. Послѣднія представлены не только фотографіями съ натуры, но и многочисленными снимками съ гравюръ и литографій, изображающихъ исчезнувшія уже теперь зданія. Работы Турнерелли, Турина и др. передаютъ ясно всю ту прелесть, которая погибла навсегда.

С. ФОНВИЗИНЪ. Записки свободной женщины. Изд. 3-е. Цѣна 1 р. 50 к.

Книга читается съ большимъ интересомъ.

У С. Фонвизина—несомнѣнное дарованіе: этимъ объясняется возрастающая съ каждымъ новымъ произведеніемъ его популярность. Его книги идутъ, хотя у нихъ нѣтъ громкихъ названій и заманчивыхъ обложекъ, чѣмъ у насъ берутъ обыкновенно въ послѣднее время...

Проф. С. Д. МИХНОВЪ. О красотѣ.

Авторъ, вопреки установившемуся въ философіи трактованію красоты, какъ чего-то реальнаго, объективнаго, признаетъ ее только, какъ понятіе, которое обусловливается тѣмъ или инымъ субъективнымъ отношеніемъ нашимъ къ факту. Такимъ образомъ, онъ поддерживаетъ взглядъ, совершенно противоположный взгляду Вл. Соловьева, съ которымъ онъ, главнымъ образомъ, и полемизируетъ.

Для опредѣленія чувственной красоты, которая пробуждаетъ любовь и красоты идеальной—рождающей иныя, болѣе высокія стремленія, авторъ сравниваетъ два разсказа Мопассана: „Лунный свѣтъ", въ которомъ Мопассанъ склоненъ видѣть въ природѣ лишь одну чувственную красоту, и другой—„Безполезная красота", гдѣ въ эстетическомъ восторгѣ отсутствуетъ примѣсь влеченія любви.

Интересна мысль автора, что тончайшее художественное чутье древнихъ скульпторовъ заставило ихъ выбрать именно мраморъ для воплощенія образа чистой красоты. Та же статуя, но сдѣланная изъ воска или окрашенная въ мягкія живыя краски, тотчасъ же должна давать впечатлѣнію примѣсь чего-то тѣлеснаго, чувственнаго...

„Красота—это отблескъ совершенства", опредѣленіе, кажется, Ѳомы Кемпійскаго; красота не есть само совершенство, но—его отблескъ, улавливаемый въ формѣ, въ контурахъ, въ звукахъ и т. д.

Авторъ, указываетъ на выводы современной медицины о важности пріятныхъ вкусовыхъ ощущеній и говоритъ, что какъ вкусъ и пріятность пищи повышаютъ тонусъ пищеварительныхъ актовъ, такъ и эстетическое наслажденіе повышаетъ тонусъ психическихъ процессовъ, отражающихся на теченіи всѣхъ жизненныхъ явленій въ организмѣ...

Редакторъ-издатель **Вл. Крымовъ.**